

мом, как бы замедленным ритмом и усложненным синтаксисом.

Почти через десятилетие (1971) появился еще один роман А. о войне, получивший совсем не военное название — **«Версты любви»**. Его открытая обращенность в настоящее будет подчеркнута двойным худож. временем, героями двух эпох. Он написан в иную пору все более углубляющегося внимания лит-ры к нравственным проблемам, к вечным ценностям человеческого бытия. В случайную встречу представителей военного и послевоенного поколений властно врывается память о любви, которая сильнее войны, сильнее смерти. Проза А. приобретала философский характер: размышления о том, в чем истинное назначение человека, об извечных проблемах добра и зла, о связи времен, о свободе воли и долге, о сложности нравственного выбора.

В промежутке между «этапными» военными романами в 1960-е А. написал ряд произведений, не сыгравших особой роли в истории лит-ры. Это очерковые повести на «дежурную» атеистическую тему (где вдобавок стерта грань между христианской религией и сектантством) — **«Тень Иисуса»** (1961) и **«Козыри монаха Григория»** (1964), а также острый по проблематике («крестьянское братство» старой деревни — миф или правда?), но достаточно уязвимый с точки зрения прямолинейности художественного решения роман о русской деревне — **«Межа»** (1969).

С 1973 А. занимает пост главного редактора ж. «Октябрь». С этого времени ж. приобретает выраженный «предперестроечный» характер, о чем свидетельствует резкое изменение тематики произведений (мн. из них относятся к «возвращенной лит-ре») и круга привлекаемых авторов. Это было тем более знаменательно, что А. в советские годы отнюдь не принадлежал к числу гонимых, занимая видные посты секретаря правления СП СССР, депутата Верховного Совета, а затем — народного депутата СССР, заместителя председателя Советского комитета защиты мира.

В 1975–84 А. публикует 4 книги романа с подчеркнутым названием **«Годы без войны»**. Роман продолжал традиции философских размышлений «Верст любви», основанных на характерном для А. пристальном худож. исследовании сугубо конкретных деталей и подробностей человеческого бытия в определенную историческую эпоху. В произведении соединились черты различных типов романа — семейного, производственно-го, исторического и др. Сложная структура текста с достаточно прочно «сцементирован-

ными» сюжетными линиями представляет как бы многопрофильный срез истории общества второй половины XX столетия с его гос. и частными проблемами. Это дало основание критике определить роман как своеобразную «энциклопедию советской жизни». Обратившись не к «роковым» или «звездным» часам человечества, а к эпохе внешне стабильной, А. увидел в крушении семейных отношений, личной жизни признаки надвигающихся общественных катаклизмов.

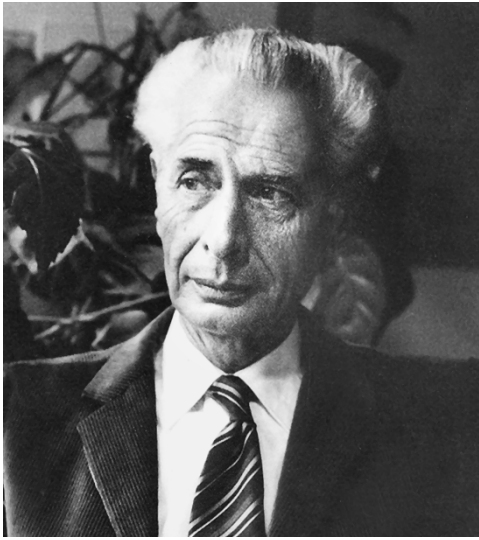
В начале 1990-х А. создает 2 романа о противоречиях сегодняшней жизни (которые, по мнению А., следует разрешать с оглядкой на национальный опыт прошлого, на «письмена и скрижали истории») — **«Скрижали и колокола»** (1990), а также исторический роман об эпохе Ивана Грозного — **«Лики бессмертной власти»** (1993), впрочем, далеко выходящий за рамки одного только XVI в. Роман обращен к исследованию самой природы тирании. В 1993–94 читатель познакомился с еще одной попыткой А. «подойти к современности с глубокого тыла» (слова А. Толстого) — **«Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России. Версии, основанные на исторических свидетельствах, фактах и документах»**. В произведениях А. последних лет все более отчетливо проявляется стремление исследовать реальность и мифы русской государственности.

Соч.: СС: в 8 т. / вступ. статья И. Л. Волгина. М., 1996–99; Память сердца: очерки. М., 1975; Главная дорога: Писатель о творчестве. М., 1978; Тихий сотрудник: пьеса // Театр. 1981. № 3; Напоминание старых истин. О времени и о себе: статьи. М., 1982; Дача Сталина: Рассказ // Теплый стан: Альм. М., 1990. Вып. 1; Скрижали и колокола: роман. М. 1990; Лики бессмертной власти: Царь Иоанн Грозный: роман. М., 1994; Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России. Версии... // Октябрь. 1993. № 9–10; 1994. № 11–12; Не променяю сегодняшнюю свободу на вчерашнее благополучие: интервью // Известия. 1995. 18 июля.

Лит.: Коваленко Р. М. Анатолий Ананьев: страницы жизни, страницы творчества. М., 1985; Бочаров А. Глубина бытия // Знамя. 1985. № 7; Леонов Б. Признание // Молодая гвардия. 1985. № 7; Михайлов А. Собеседники: Статьи. Очерки. Портреты. М., 1985; Синельников М. О времени мужества // Москва. 1985. № 7; Зубев Б. Человек и земля // Лит. обозрение. 1989. № 9.

К. Ф. Бикбулатова

АНДРЕЕВ Вадим Леонидович [25.12.1902 (7.1.1903), Москва — 20.5.1976, Женева] — поэт, прозаик.

В. Л. Андреев

А. родился в семье писателя, настолько популярного в начале века, что даже в первом паспорте, полученном А. в Финляндии, в графе «профессия» значилось «сын писателя Леонида Андреева». Семья А. жила на Карельском перешейке, который при отделении Финляндии в 1918 отпал от России, так что А. невольно оказался за границей и, никуда не выезжая, стал эмигрантом. После смерти отца в 1919 А. решил во что бы то ни стало уйти из дома и, окончив в 1920 гельсингфорскую гимназию, записался добровольцем в русскую армию, отправлявшуюся вокруг Европы в Крым на помощь генералу Врангелю. Так и не добравшись до Крыма, А. после долгих скитаний и поражения белой армии оказался среди эмигрантов в Константинополе, затем некоторое время жил в Болгарии, а в апр. 1922 переехал в Берлин.

Первые стихи А., еще будучи гимназистом, печатал в русской газ. в Гельсингфорсе; оказавшись в Германии, поэзией занялся всерьез и стал публиковать свои произведения в берлинской газ. «Дни». Попали стихи А. также в антологию «Из новых поэтов» (1923). Осенью 1923 А. ушел из «Дней» и стал сотрудничать с выходившей в Берлине просоветской газ. «Накануне».

В Берлине А. познакомился со многими известными русскими писателями, которые отнесли к поэтической работе А. доброжелательно. Впоследствии А. вспоминал, как однажды «принес свои стихи Эренбургу», который «отметил удачный образ, незатасканные эпитеты...» (История одного путешест-

вия. С. 256). В другой раз молодой поэт «решился прочесть Пастернаку одно стихотворение. За столом кроме Бориса Леонидовича сидели Эренбург и Шкловский. Взволнованный до полного косноязычия,— увы, не пастернаковского,— я кое-как пробормотал мои стихи. Пастернак повторил одну приглянувшуюся ему строчку, Эренбург отметил удачный образ, а Шкловский сказал, что все мы в молодости плаваем под чужими парусами» (Там же. С. 317).

Близкие отношения сложились у А. с такими мастерами языка, как Андрей Белый, А. Ремизов и мн. др. По инициативе А. в Берлине была создана лит. группа «4+1» (Г. Венус, А. Присманова, С. Либерман, Б. Сосинский, А.), выпустившая в конце 1923 стихотворный сб. «Мост на ветру», куда А. поместил 6 своих стих. Это была первая большая публикация А., вскоре вышел его первый авторский сб. «Свинцовый час» (1924). «Для меня книжка не стала однодневной — она скорее стала одногодной,— но уже с первых дней ее появления я почувствовал, что она пройденный этап, что я должен писать не так, как писал в 1923 году. Для меня «Свинцовый час» стал первой ступенькой лестницы, на которую я мечтал выйти», — вспоминал через несколько десятилетий автор (Там же. С. 349).

Став эмигрантом без эмиграции, А. не чувствовал внутреннего разрыва с Советской Россией. Под влиянием сотрудников газ. «Накануне», мн. из которых уже возвращались на родину, на подобный шаг решился и А. Он подал документы на восстановление себя в советском гражданстве, ответ на которые по неизвестным причинам задерживался. Тем временем «Накануне» закрылась, стало негде печататься и не на что существовать, русская лит. среда в Берлине стремительно таяла, и, так и не дождавшись ответа из советского консульства, А. уехал в Париж.

В это время в Париже уже обосновался друг А.— Б. Сосинский, организовавший во Франции отделение пражского ж. «Воля России», где А. в основном и публиковал свои произведения. Стихи А. регулярно появлялись в ж. в 1926–29 и были замечены не только за рубежом, но и в советской критике (доброжелательный отзыв Б. Волина в статье об эмигрантской поэзии из ж. «На лит. посту». 1926. № 3).

Название второго сб. стихов — «Недуг бытия» (1928) — было взято из стихотворения Е. Боратынского, чья поэзия оказала особое влияние на молодого А. Правда, в книге чувствовались и нотки др. поэтов — от Тютчева до Мандельштама и Цветаевой.

Рецензируя вторую книгу А., М. Слоним отмечал, что «в его поэзии нет конкретности, слишком часто какая-то поэтическая зыбь оставляет в читателе чувство досады и даже недоумения — и оно усугубляется великим множеством отрицательных эпитетов, которыми пестрят страницы книжки Андреева: „неуловимый, неповторимый, неподкупный, непостижимый, неотвязный, неземной“ и т. д. Чуть ли не все прилагательные обессиливает Андреев приставкой отрицания... „Недуг бытия“ — вторая книга Андреева, несмотря на все недостатки, показывает и рост молодого поэта, и большую любовь его к слову. Нужно только пожелать, чтобы он освободился и от „недуга бытия“, и от тяжелого груза символической литературщины» (Слоним М. Лит. дневник // Воля России. Прага. 1928. № 7. С. 70–72). Положительно оценил «Недуг бытия» и Г. Адамович (Совр. записки. 1929. № 38).

Помимо стих. А. в «Воле России» были напечатаны его поэма о народолюбцах и эсерах «**Террористы**» (1927. № 3), рассказ «**Конец Андрея**» (1928. № 7), статья о Ф. Тютчеве (1928. № 12). В сб. поэзии и поэтической критики «Стихотворения» (Париж, 1928) помимо стихов А. были опубликованы его «**Заметки о поэзии**» и рецензия «**Поиски героя**» на одноименную книгу Н. Тихонова. Печатались стихи А. и в книге, выпущенной союзом поэтов и писателей в Париже, «Сборник стихов» (1929) и в др. изд. М. Слоним, внимательно следивший за творчеством А., на исходе 1920-х подвел некоторые итоги: «Через многие влияния прошел В. Андреев, с трудом отделяющийся от символического словаря и постоянно стремящийся к поэзии значительной и глубокой. В последнее время он явно находится в орбите Цветаевой и Пастернака, но ему удастся порой освободиться от их чар, и тогда его несколько глуховатый, придушенный голос звучит с некоторой торжественной силой. От многих других поэтов его отличает серьезная работа над стихом, очень бережное и внимательное отношение к слову: он сумеет умножить и воспитать свое поэтическое дарование» (Слоним М. Молодые писатели за рубежом // Воля России. 1929. № 11–12. С. 110–111).

В 1925 А. в Париже впервые встретился с М. Цветаевой. Постепенно их знакомство переросло в дружбу, и, когда в 1928 по инициативе М. Слонима, Б. Сосинского и А. возникло содружество «Ковчег», устраивающее лит. вечера, одним из самых частых гостей на них была Цветаева. В 1930 на «Вечере романтики» А. вместе с ней читал свои стихи,

а в 1932 на докладе Цветаевой «Искусство при свете совести» А. был одним из ее оппонентов. Особо тесно их общение происходило во второй половине 1930-х, когда Цветаева готовилась к отъезду на родину и часто обращалась к А. за советами и помощью. Об этом интересно повествуют сохранившиеся и недавно опубликованные письма М. Цветаевой к А. 1937–38.

В 1930-х А. не только писал отдельные стихи, печатавшиеся в ж. «Совр. записки» и др. изд. (например, коллективный сб. «Якорь», 1936), но и публиковал большие стихотворные циклы: «**Иней в лесу**» в «Русских записках» (1939. № 15) и поэмы: «**Февраль**» (Воля России. 1930. № 2), «**Кронштадт**» (Воля России. 1931. № 10), «**Сальери**» (Числа. 1930–31. № 4). Отд. изд. в Париже вышла поэма «**Восстание звезд**» (1932). Писал А. в эти годы и рецензии. Он разбирал книги Б. Зайцева «Жизнь Тургенева», Вс. Иванова «Путешествие в страну, которой нет», «Воспоминания» Н. Тэффи и др.

Перед самой войной А. обратился к прозе. В 1939 в ж. «Русские записки» появился его рассказ «**Художник Ершов**», а годом раньше тот же ж. опубликовал «**Повесть об отце**» А., впоследствии расширенную и вышедшую под названием «**Детство**» (повесть положила начало циклу автобиографических произведений А.).

Во время Второй мировой войны А. жил в деревне в оккупированной Франции, занимался сельским хозяйством, а к концу войны вступил в ряды Сопротивления и участвовал в боях. После войны А. сотрудничал в выходившей в Париже газ. «Советский патриот», участвовал в издании «Русского сб.», посвященного творчеству И. Бунина и А. Бенуа (1946). Вскоре А. принял советское гражданство, переехал в Швейцарию и работал в ООН. В вышедшем в 1948 в Париже сб. «Эстафета» была опубликована подборка А. из 10 стих., но в основном в эти годы он печатался в нью-йоркском ж. «Новоселье». Там вышли его поэмы «**Олень**» (1945. № 22), «**Возвращение**» (1949. № 27), «**Поэма об отце**» (1949. № 35), «**Поэма о Ревекке**» (1949. № 39). В том же ж. были опубликованы и воспоминания А. «**Счастливый дом**» (1946. № 24).

В 1950 в Париже вышел сб. стих. А. 1940-х «**Второе дыхание**». Об этой книге Ю. Иваск писал: «У него намечена тема („второе дыхание“ в воображаемом мире), но всего существующей, что в его сб. есть чистые и легкие строки. В свои стихи о России В. Андреев вложил много мечтательства,

вдохновения, но в них нет искренности, серьезности его лирики». И все же: «Настоящий сборник лучше всех его предыдущих книг» (Новый ж. Нью-Йорк. 1951. № 25. С. 303).

С 1960-х произведения А. начали появляться в Советском Союзе. Ж. «Звезда» и «Нева» опубликовали подборки его стихов, но в основном на родине А. стал известен как прозаик. В 1965 в Москве вышел его роман «**Дикое поле**» о движении Сопротивления во Франции, были опубликованы его автобиографические повести. В 1963 появилась повесть «Детство», затем — «**История одного путешествия**» (1966), «**Возвращение в жизнь**» (1969) о встречах А. с А. Белым, А. Ремизовым, В. Маяковским, Б. Пастернаком, И. Эренбургом, В. Ходасевичем, С. Есениным. Завершила цикл повесть «**Через двадцать лет**» (1974).

В 1977 в Париже на русском языке посмертно вышел сб. стих. А., в который вошли циклы «Второе дыхание» (1933–48), «**Дух дерева и дух воды**» (1948–65), «**Пять чувств**» (1965–70) и «**На рубеже**» (1970–76), а также «Поэма о Ревекке» и «Возвращение».

Соч.: На рубеже: стихи и поэмы. Paris, 1977; История одного путешествия. М., 1974; Герои Олерона / совместно с В. Сосинским и Л. Прокшей. Минск, 1965; Детство. М., 1966; Дикое поле. М., 1967; Стихи // Лит-ра Русского зарубежья: Антология. М., 1991. Т. 2. С. 388.

Лит.: Емельянов Л. Возвращение в жизнь // Звезда. 1965. № 5; Иезуитова Л. На пути к родине // Нева. 1970. № 3; Цветаева М. Письма В. Л. Андрееву // Цветаева М. СС: в 7 т. М., 1995. Т. 7.

В. В. Попов

АНДРЕЕВ Василий Михайлович [16(28).12.1889, Петербург — 1.10.1942, Мариинск Новосибирской обл.] — прозаик, журналист, драматург.

Родился в семье банковского кассира, окончил 4-классное городское училище, в молодые годы участвовал в революционном движении, примкнул к Беспартийному союзу террористов и с 1910 по 1913 находился в ссылке в Туруханском крае. Амнистирован в связи с 300-летием Дома Романовых. По некоторым сведениям помог устроить побег Сталину. Позднее об этих местах написана повесть «**Глушь**» (1935). С ними связана и книга «**Товарищ Иннокентий**» (1934) — о большевике И. Ф. Дубровинском, близком к Ленину. Письма Н. К. Крупской к А. по поводу этого изд. напечатаны в «Коммунисте» (1979. № 3).

По возвращении из ссылки жил большей частью в Лигово. Печататься А. начал в 1916 в петроградских газ. под псевдонимами Андрей Солнечный, Васька-газетчик, Васька Редактор и т. п. В 1918–22 служил в Красной Армии рядовым, культработником при клубах, в 1919–21 состоял кандидатом в члены ВКП(б). В 1927 был арестован, но выпущен без предъявления обвинений. В конце 1920-х привлек внимание М. Горького как автор, «не поддающийся американизации» лит-ры. Таким он и был, что не всегда ставилось ему в заслугу. А. уличался в тяготении к «языковому орнаменту», в «стремлении к банальности, к ходкому товару» (Голубь Л.— С. 245). Уже по этим претензиям можно понять смысл лит. работы А., не желавшего отказываться в угоду новым веяниям от лучшего в себе: от безупречного владения разговорной речью, без которой проза заметно мертвеет, от умения в диалоге раскрыть человеческие характеры, от свободного владения не только лит., но и простонародным языком, от приоритета наблюдения и цепкого жизненного опыта перед умозрением и сюжетной априорностью замысла. А. рассказывал в своих многочисленных книгах 1920-х о жизни петроградских окраин, о злой неприютности рабочего люда, о детях, занятых своим самоутверждением в перманентных потасовках и стычках, о героизме, неотличимом порой от преступления. Он на самом деле изображает «банальные», любому жителю окраин знакомые сцены, на самом деле интересуется криминальной историей города («ходкий товар»). В прозе А. воссоздается колоритная жизнь трущоб, ночлежек, трактиров. Его основные персонажи — ведущие уличную жизнь подростки, мастеровые, обыватели, уголовный элемент... Произведения А. насыщены множеством городских реалий, и в целом можно говорить о специфически андреевском образе города, образе Петрограда-Ленинграда, даже на фоне его великих предшественников в создании «петербургского мифа» — Пушкина, Гоголя (особенно любимого им автора), Достоевского, Блока...

«Сокровенным человеком» эпохи становится у А. то ресторанный гармонист («**Гармонист Суворов**», 1927), то мечтательный парикмахер («**Серый костюм**», 1929). Все это личности неустроенные, не нашедшие себя в жизни, люди, живущие какими-то фантазмагориями. Внимание к ним особенно интересно для прозаика с таким изначальным жизненным опытом, как у А., — писателя, знающего и героя с яростным, нетерпеливым жестом, стоическим поведением и железной во-